

«ИСТОРИЯ АРМЕНИИ» МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ В ОЦЕНКЕ К. ПАТКАНЯНА

ЭД. А. АКОПЯН

Среди сложных проблем арменистики, пожалуй, ни одна не порожидала столько споров, как проблема источников «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.

В эпоху, когда некоторые европейские ученые (Гудшмидт, Карнер, Катрмер и др.) стали сомневаться в правдивости сведений, сообщаемых М. Хоренаци¹, профессор Петербургского университета Керопэ Патканян (1833—1889) отличался особыми взглядами на diskutируемую тему. Широкая научная эрудиция и скрупулезная историко-филологическая работа над памятником позволили ему правильно разобраться в источниках и в завуалированных фразах Хоренаци и сделать ценный вклад в разработку узловых проблем арменистики.

В 1881 г. в Петербурге отдельной книгой вышло в свет классическое исследование К. Патканяна «Ванские надписи и значение их для истории передней Азии»². Одновременно с множеством вопросов, затронутых здесь автором, одно из центральных мест было уделено источникам древней истории Армении, Мар-Абасу Катине и Мовсесу Хоренаци. Появление подобной работы было продиктовано самой эпохой. «Новые открытия в области археологии и лингвистики,— писал К. Патканян,— делают пересмотр наших старых сведений необходимым. Новое требует себе места. Приходится пересмотреть старое... Это новое в

¹ Подробнее см. М. Абегап, История древнеармянской литературы, т. I, Е., 1948, стр. 203—209.

² Исследование К. Патканяна по отдельным частям печаталось в «Журнале министерства народного просвещения» от 1874, 1875, 1880 и 1881 гг.

В 70-х гг. К. Патканян активно включился в работу по дешифровке Ванских клинописей и явился первым пропагандистом их сбора и изучения в России. Выражая интересы русской востоковедной науки, К. Патканян призывал правительство и русских консулов в Азии взять в свои руки изучение Ванской культуры, отпустить на раскопки определенные средства и воспрепятствовать расхищению Ванских ценностей и их поступлению в частные коллекции европейских антикваров и в музеи Лондона, Парижа и Берлина. А в одном из писем, адресованных М. Смбабяну (архиепископ, член московского археологического общества) К. Патканян в частности замечал: «...Если бы Вы сумели Вашу любовь к национальным древностям внушать учителям армянских деревень, быть может тогда Ваши открытия умножились и принесли бы большую пользу и результаты нашим усилиям создаваемой молодой армянской науке (подчеркнуто нами—Э. А.). Я знаю, подобные дела нуждаются в материальных средствах. Но что делать, если нация еще не оценивает такую услугу. Но нельзя терять надежду, я уверен, что такое положение вещей долго не продлится и любовь к древностям распространится среди нашей молодежи» (см. Матенадаран, архив Патканянов, п. 139, д. 107).

таком случае являлось нам в каменных документах Ниневии, Вав. Бабилонии. Содержание их привело к переворот во всей истории передней Азии и не могло поэтому остаться без влияния на историю Армении...»³.

Таким образом, уже в 70—80-х гг. К. Патканян ясно осознал, что армянская историография и словесность находились на пороге больших открытий. Признательность, научная интуиция уже в эти годы подсказывали ему, что Армения «ассирийской эпохи... не жила особняком, своей патриархальной жизнью, не принимая участия в событиях, волновавших Азию от X до VI вв. до р. Х.», а что казавшиеся мертвыми и неподвижными страницы ее истории дышали жизнью и были полны движения (69). Спустя почти двадцать лет Н. Марр доказывал, что «внутренний мир древней Армении отнюдь не представлял гладкой поверхности стоячей воды. Армения внутри жила с интенсивностью, поразительной для нас, усвоивших созданное западноевропейским тщеславием хладное мнение о неподвижности восточных народов...»⁴. «Все, что мы могли прочесть в клинописных памятниках Ассирии, Персии и Армении относительно истории этой последней страны, так мало ладит с тем, что мы привыкли считать за ее историю, что мы принуждены глубже взглянуть в нее, и факты, сообщаемые ею, подвергнуть исторической критике», — писал еще в 80-х гг. один из научных руководителей Н. Марра К. Патканян (69—70). Итак, не стремление найти в Хоренаци «творца всех истинных и мнимых вымыслов», а желание добаться до верного освещения истории древней Армении привели его к анализу документов, на основании которых был построен труд «отца» армянской историографии.

Интересуясь вопросом этногенеза армян, К. Патканян уже на заре своей научно-педагогической деятельности попытался увязать сведения, добытые восточной филологией, с некоторыми положениями Хоренаци. Обратившись к изучению фактов, «собранных и тщательно проверенных Монсеем Хоренским», К. Патканян, в отличие от своих предшественников, которые мифическую историю армянского народа выдавали за его реальную политическую жизнь, стал доказывать, что политическое существование Армении возникло вследствие объединения многочисленных армянских племен⁵. Разделяя мнение Хоренаци, К. Патканян полагал, что ядро армянского государства образовалось на Араксе. Расширяя свои пределы, пояснял он свою мысль, армянские племена арменов пришли в столкновение с племенами хайев в южной Армении и, по всей вероятности, последние вышли победителями, так как их народное имя вдруг сделалось общим для обоих племен (89).

³ К. П. Патканян, Вавекне надписи и значение их для истории передней Азии, СПб, 1881, стр. 69. В дальнейшем при ссылке на эту работу К. Патканяна страницы будут указаны в тексте.

⁴ Н. Марр, К вопросу о задачах арменоведения, СПб, 1889, стр. 8.

⁵ См. «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» (под ред. А. Краевского и П. Лаврова), т. 3, СПб, 1863, стр. 380.

«Начиная с VI столетия до р. X. армяне жили и живут на одной и той же территории.— писал К. Патканян в «Ванских надписях».— Есть ли основание предполагать, что раньше этого времени не было армян в Армении?» Не сомневаясь в длительности исторического процесса формирования армянского народа, К. Патканян начало его исторического существования относил не к эпохе расцвета или падения Урарту (IX—VII вв. до н. э.) или вторжения скифов (VII в. до н. э.), а к XII в. до н. э., к периоду образования Наирн⁶. В последующие столетия, писал К. Патканян, Наирн и вместе с ней армянские племена подпали под власть урартинских царей, были верны урартийцам и находились в сфере влияния урартинской политики в течение всей ассирийской эпохи. Этот длительный процесс формирования армянского народа был завершен, по мнению ученого, во II в. до н. э.

В четвертой главе «Ванских надписей...» («История Армении по ассирийским памятникам»), полемизируя с европейскими учеными, высказывавшими множество догадок о языке и этническом составе государства Урарту, К. Патканян подошел к идее отождествления урартийцев с армянами (148 и др.). Но к этому выводу К. Патканяна следует подойти с поправкой на время. Ныне этот вопрос пересматривается заново и дополняется рядом новых характеристик⁷. Конечно, ошибки видны сейчас, а сто лет назад гипотезы К. Патканяна считались открытиями или, что более важно, вызывали споры и тем самым способствовали дальнейшему разрешению коренных вопросов арменистики.

Мовсеса Хоренаци К. Патканян считал «правдивым историком..., честным патриотом..., который передал нам только то, что сам нашел в книгах или преданиях...»⁸. К. Патканян, как и несколько позднее Н. Марр, в Хоренаци видел автора определенной исторической эпохи и среды, ученика александрийской школы, который в силу излишнего доверия к книгам, написанным по-гречески и некритическим выбором источников несколько ослабил значение своего капитального труда (40). К. Патканян с сожалением отмечал, что если бы Хоренаци не относился подозрительно ко всему не-греческому и большее внимание уделил народным сказаниям, не ограничиваясь одними труднопонятными намеками, то его книга выиграла бы вдвойне.

Подвергнув разностороннему и глубокому анализу первую книгу «Истории Армении» Хоренаци и сопоставив факты, встречающиеся в сочинениях разных средневековых армянских авторов, К. Патканян пришел к очень важным в историко-филологическом отношении выводам. Он отождествил Мараббу, философа Мдурийского Себеоса с

⁶ Более подробно см.: К. П. Патканов, О мином походе Тахлат Паласара к берегам Нида (в «Трудах 3-го международного съезда ориенталистов в Петербурге»), СПб. 1880, стр. 44—45.

⁷ См. Г. Х. Саркисян, Беспочвенные теории об Урарту, «Историко-филологический журнал», 1969, № 1 (на арм. яз.).

⁸ К. П. Патканов, Несколько слов о названиях древних армянских месяцев, СПб. 1871, стр. 2—3.

Мар-Абагом Хоренаци и доказал, что «ученый сиронец» мог жить никак не раньше III—IV вв. н. э. Вместе с тем он доказал, что первая книга «Истории Армении» была написана на основании трех источников: армянских народных сказаний с учетом сочинения Мар-Абаса, который причинил «столько беспокойства относящемуся с уважением ко такому литературному труду, добросовестному по природе Хоренскому» и «Истории» Евсевия Кесарийского (42—65).

К. Патканян считал, что уже в дохристианский период существовала мифическая история Армении, а также исторические предания, и что Мар-Абаса делались попытки для составления сколько-нибудь связанной истории Армении. А Мар-Абас, воспользовавшись одной из редакций этих преданий, по-своему обработал их и «вклеил в рамку Ктезиона истории Передней Азии». Этими выводами К. Патканян встал на точку зрения позднейших армянистов, значительная часть которых склонялась положительно ответить на все эти вопросы⁹.

Говоря о том, что Мар-Абасом был использован существовавший в его время сборник армянских преданий, сказаний и песен, К. Патканян был далек от негативного вывода—считать первую книгу «Истории...» сплошной выдумкой. В исследовании «Самое древнее известие о сношениях Спасителя с царем Абгаром»¹⁰ К. Патканян замечал, что игнорировать документ—легенду с историческим характером и отвергать передаваемый этим документом факт на том лишь основании, что нет достаточных материалов для оценки его,—прием не научный. Дело историка, замечал он, оценить древние письменные памятники соотнося их внутреннему достоинству, где целесообразнее всего выставлен взгляд современников на описываемые события. С большим мастерством «расщепляя» легенды, К. Патканян находил в них ту часть, которая предельно конденсировала в себе реальные исторические события. Так, К. Патканяну, подвергнувшему тщательному изучению легенду о царе Абгаре (армянский вариант сирийского «Жития Аддея»), «которая,—по его мнению,—представляла большой интерес уже тем, что объясняла взгляд автора и его современников на распространение христианства на востоке и на возникновение одной из древнейших церквей Азии», удалось найти выход из того тупика, в котором некогда находились такие ученые, как Ренаи, Велте, известный издатель сирийских памятников Кюретон, а также Г. Алишан. Сличив содержание легенды со всеми рассказами, сохранившимися у разных древних христианских народов в литературе об Абгаре, К. Патканян высказал предположение, что факты, случившиеся во II в. н. э. при историческом Абгаре VIII и епископе Аддее, послужили основанием для легенды, согласно которой другой Абгар (Абгар V) принимает христианскую веру

⁹ См. Г. Х. Саркисян, «Историография домесроновского периода», М. М. Акроян, Моисей Хоренаци, Е., 1969 (на арм. яз.) и др.

¹⁰ На основании запрета Комитета для цензуры духовных книг данная работа К. Патканяна была изъята из печати. Оттиск этого труда был обнаружен нами в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ед. хр. 111).

при другом Аддее, или уже Фаддее, ученике Спасителя. Внимательно ознакомившись с новооткрытым Кюретоном текстом рукописи Лебубны—автора «Жития Аддея», на которого ссылался в свое время Хоренац, К. Патканян убедился также в том, что это и есть та сирийская рукопись, с которой был сделан армянский перевод писем Абгара. К. Патканян отрицал заимствование сюжета легенды Мовсесом Хоренац («во времена которого уже существовал армянский перевод сказания») у Евсевия и доказывал, что оба историка черпали из одного общего источника—сирийского оригинала Лебубны.

Остановимся еще на одном выводе К. Патканяна. Судя по времени, писал он, Лебубна, должно быть, был учеником Бардесана, известного ученого и неутомимого гностика, или, по крайней мере, жил вскоре после него и получил образование в его школе, т. е. в конце III столетия.

Любопытно, что ровно через сто лет после того, как К. Патканян ознакомил членов Петербургского археологического общества со своими выводами, в 1970 г. А. Мелконян в своей книге «Из истории армяно-сирийских отношений» независимым путем пришел к тем же выводам.

В третьей главе «Ванских надписей...», подвергнув разбору древнейшие исторические предания армян, К. Патканян заметил, что генеалогия армян, начиная от их первых родоначальников—Ноя, Нафета—и кончая Торгомом, была заимствована Мовсесом Хоренац из древних армянских сказаний. Так же поступил автор «Истории...» при описании генеалогического ряда от Торгома, Хайка, Арменака до Гармы. Вся эта родословная (Хайк-Арменак, Арам-Ара) сложена из мифов и в своей целостности составляет древнейший цикл армянских народных сказаний, писал К. Патканян. Но он считал, что после Гармы Хоренац свой рассказ ведет уже по другому источнику (т. е. заимствуя из гусанских песен), и вследствие этого предполагал, что Арам первоначально не фигурировал в цикле древних сказаний о Хайке и Арменаке, а был «введен» в родство с лицами древних армянских преданий довольно поздно, причем, с соблюдением закона народной истории—был сделан сыном Гармы¹¹ последнего потомка Арменака. Если раньше Арам принимался им как лицо историческое, то теперь, вернув его в легенду, К. Патканян стал доказывать, что подвиги Арама сами по себе состав-

¹¹ К. Патканян, вопреки уверениям Хоренац, вторым эпонимом армянского народа считал не Арама, сына Гармы, а Арменака, сына Хайка (как известно, к этому же мнению склонялся и Б. Б. Пиотровский. См. его: «О происхождении армянского народа», Е., 1946, стр. 26). К. Патканян не верил в отождествление имени страны и народа с именем царя (он находил нелепым, чтоб народ свое имя получил от имени царя, а до того времени оставался безымянным) и считал, что эпонимы всегда стоят к народному названию гораздо ближе, чем в данном случае. Но он допускал вероятным и предположение Роулинсона, который склонен был Армении считать верховным божеством армян.

А в отношении Хайка К. Патканян выдвигал предположение, что он в древности мог иметь мифологическое значение, подобно Белу, которому поклонялись в Ассирии.

ляли особый цикл эпических рассказов: Арам «в истории Армении играет роль Нина, т. е. олицетворяет собою воинственные подвиги и завоевательные стремления армян в доисторическое время, понимая под этим именем эпоху наибольшего расселения армян» (74).

К. Патканян также отрицал существование первоначальной единой сюжетной связи между легендами о Хайке и Арменаке и тесное слияние отдельных сказаний, созданных в среде хайев и арменов, он объяснял объединением двух этих армянских племен: «По законам поэтической правды побежденное племя Арменака (читай: Арама) было поставлено в зависимое от нового эпонима положение, т. е. было объявлено потомком Хайка». Он предполагал, что в этом цикле эпических сказаний народ олицетворял себя, свои подвиги. Но в какое время происходили эти завоевания К. Патканян затруднялся определить с точностью. И все же он считал, что они были делом не одного царствования, не одной личности (скажем, Арама), и выдвигал близкое к истине предположение, согласно которому «в памяти народной остались темные воспоминания о войнах... веденных армянами против ассирийцев в X—VIII вв. до н. э.» (119). А в остальных ветвях этого сказания, быть может, предание сохранило память о вторжении скифов в Армению и Мидию (122).

Как видим, ученый-арменист в преданиях не только усматривал историческое основание, но и стремился уточнить время их возникновения. Так, помимо сказанного, он и в эпическом рассказе о борьбе Бела с Хайком видел отзвуки бесконечной, вековой войны ассирийцев, народа Бела, с армянами, сынами Хайка (109).

В древней Армении, по К. Патканяну, существовали четыре, если не более, отдельных цикла эпических сказаний или преданий, которые под пером позднейшего составителя истории Армении искусственно были приведены во взаимную связь, т. е. объединены в один большой эпический цикл. К. Патканян уже тогда различал существование двух больших циклов мифов и эпоса, но подверг исследованию только первый из них. К ним он относил:

1. Сказание о Хайке, родоначальнике племени хайев и его преемниках. Действие происходит в южной Армении, в окрестностях Ванского озера.

2. Сказание об Арменаке и его преемниках. Место действия: пространство от истоков Аракса на восток до Нахичевана, область Айрат значае и области к северу от Аракса до соединения с Курой впоследствии.

3. Сказание об Араме, в котором олицетворялись военные подвиги и завоевательный период истории армян и обозначались пределы Армении как политического тела.

4. Сказание об Арахе, жизнь которого приведена в связь с южноармянскими легендами о Семирамиде (см. стр. 86—89).

Все эти сказания К. Патканян относил к местным, племенным, которые в эпоху политического расширения Армении постепенно входили в область ее мифической истории, по мере того, как и места их дей-

ствий входили в состав армянского государства. Народ, писал К. Патканян, воплотил свою историю в сказаниях (72). Армянский эпос—упирающийся корнями в историю, был смешан с мифами, говорил позднее М. Абегян.

В течение тридцатилетней научной деятельности К. Патканян ни разу не усомнился в достоверности сообщаемых Хоренаци сведений и всячески ограждал его имя от незаслуженных нападок европейских ориенталистов. Так, например, когда известие Хоренаци о существовании в Армении болгарской колонии возбудило сомнение у исследователей, К. Патканян заметил: «Но не сам же Хоренский сочинил его!» И попытался доказать неопровержимость данного исторического факта¹². В другом случае, касаясь сведений Хоренаци о том, что разделение времени на недели, месяцы и годы было введено в Армению во II в. н. э., К. Патканян стал утверждать, что государство, существовавшее в центре цивилизованных народов древнего мира, в течение, по крайней мере, тысячелетия, не могло обойтись без того, чтоб не определить течение времени, когда все соседи установили у себя правильное времясчисление, и замечал, что мнение автора V в. (!) Хоренаци следует отнести к тому, что в данное время были произведены некоторые исправления или нововведения в системе армянского счисления¹³. Конечно, труд армянского историка от таких пояснений только выигрывал.

Последовательно и планомерно преодолевая «сопротивление» или, как сам он говорил, «внутренний смысл известий», сообщаемых Мовсесом Хоренаци и его источниками, К. Патканян тем самым принимал деятельное участие в борьбе за наследство «отца» армянской историографии.

ՄԱՐԿՍՍ ԽՈՐԵՆԱՅՈՒ «ՀԱՅՈՑ ՊԱՏԽՈՒԹՅՈՒՆԸ» Ք. ՊԱՏԿԱՆՅԱՆԻ ԴՆԱՀԱՏՄԱՐԲ

ԳԻ. Հ. ՀԱՇՈՐՅԱՆ

Ա. մ փ ո փ ո լ մ

XIX դ. կեսերին, երբ եվրոպացի շրջ առեկազմեցին տարակուսանք էին հայտնում Մովսես Խորենացու օգտագործած կամ գրի առած աղբյուրների և տեղեկությունների ճշտության վերաբերյալ, Պետերբուրգի համալսարանի պրոֆեսոր, հայագետ Ք. Պատկանյանը (1833—1889) հանդես եկավ իր առանձնահատուկ տեսակետով, նույն առաջին հայադեպոսներից էր, որ ճիշտ կողմնորոշվելով Խորենացու «Հայոց պատմության» աշխատության աղբյուրների խնդրում և վերծանելով պատմահոր քողարկված դարձվածքների իմաստը, ապացուցեց նրա V դ. պատկանելությունը և նրա գրի առած առասպելների հիմքում ընկած պատմական ճշմարտացիությունը:

¹² Подробнее см.: К. П. Патканов, Несколько слов о названиях древних армянских месяцев, стр. 37, а также: К. П. Патканов, Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, СПб., 1883, стр. 24—25.

¹³ Более подробно см.: К. П. Патканов, Несколько слов о названиях древних армянских месяцев, стр. 28—30.